

В.Ф. ИВАНИЦКИЙ

**О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ИУДЕЙСКОГО ЭЛЛИНИЗМА
АЛЕКСАНДРИИ**

**Речь, произнесенная перед защитой диссертации
«Филон Александрийский.
Жизнь и литературная деятельность»**

Опубликовано: Труды Киевской духовной академии,
1912, февраль с. 253-269.

О происхожденіи іудейскаго эллинизма Александріи¹⁾.

Сочиненіе, подлежащее разсмотрѣнію въ настоящемъ собраніи, ставитъ своею цѣлію дать очеркъ жизни и обзоръ литературной дѣятельности іудейскаго писателя Филона. Въ исторіи Филонъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ представителей т. наз. іудео-александрійской теософіи, или богословія—направленія, характерную черту котораго составляетъ стремленіе соединить начала юдаизма съ элементами греческой, или, точнѣе, эллинистической культуры. Въ литературной дѣятельности Филона основныя черты этого направленія нашли наиболѣе полное и яркое выраженіе. Это обстоятельство, а также огромное вліяніе, которое оказалъ Филонъ на послѣдующую исторію человѣческой мысли—преимущественно на исторію христіанства—и побудили меня остановиться на изученіи его именно литературной дѣятельности. Содержаніе и характеръ этой дѣятельности я и постарался очертить въ своемъ сочиненіи.

Однако, задача историка состоитъ не въ томъ только, чтобы изобразить извѣстное явленіе, но чтобы и *понять* его, т. е. прежде всего объяснить его происхожденіе, показать условія его возникновенія. Эта послѣдняя задача въ данномъ случаѣ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что характеръ и направленіе литературной дѣятельности Филона находятся въ столь рѣзкомъ противорѣчій съ основнымъ направленіемъ духовной жизни позднѣйшаго іудейства, что

¹⁾ Речь, произнесенная 22 декабря 1911 года, предъ защитой диссертациі: „Филонъ Александрійскій. Жизнь и обзоръ литературной дѣятельности“.

неволью вызывають вопросъ, какъ могло іудейство породить такое своеобразное и чуждое всему его духовному складу явленіе, какъ философія Филона? Строгая національная замкнутость и исключительность іудеевъ, ихъ пренебреженіе и отвращеніе отъ всего языческаго стоятъ, повидимому, въ рѣшительномъ противорѣчїи съ широкимъ космополитизмомъ Филона, съ его преклоненіемъ предъ греческими мыслителями и греческой культурой.—При объясненіи особенностей міровоззрѣнія Филона ограничиваются обыкновенно указаніемъ на то, что почва для нихъ была уже вспахана и разрыхлена предшествующими писателями, что Филонъ, такимъ образомъ, жилъ и дышалъ атмосферой, уже въ значительной степени пропитанной элементами греческой культуры. Такое утвержденіе, конечно, справедливо; но ограничиваться только имъ—значить не рѣшать вопросъ, а лишь на время отодвигать его, такъ какъ вслѣдъ за нимъ неволью напрашивается вопросъ: а чѣмъ же объясняются особенности міровоззрѣнія предшественниковъ Филона?—Отвѣчая на этотъ вопросъ, указываютъ на особыя условія жизни Александрійскихъ іудеевъ, которыя будто бы и породили направленіе, извѣстное подъ именемъ іудео-александрійской теософіи, лучшимъ представителемъ котораго является Филонъ.—Справедливо и это утвержденіе и оно, несомнѣнно, ближе приводитъ насъ къ началу, къ самому зарожденію разсматриваемаго историческаго явленія. Но все же, и это объясненіе не устраняетъ всѣхъ недоумѣній. Вѣдь эллинистическія вліянія имѣли мѣсто не только въ космополитической Александрїи, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ жили тогда іудеи—даже въ самой Палестинѣ. Съ другой стороны, въ эпоху Еврейскаго Ренессанса въ XI—XII в.в. (въ Испанїи) вліянію на іудеевъ иноземной культуры открытъ былъ даже болѣе широкій доступъ, чѣмъ въ Александрїи; и однако, литература этой эпохи стоитъ гораздо ближе къ воззрѣніямъ право-

вѣрныхъ іудеевъ, чужда тѣхъ крайностей, съ которыми мы встрѣчаемся у Александрійскихъ іудеевъ. Следовательно, происхожденіе іудейскаго эллинизма Александріи нельзя объяснять лишь особыми условіями жизни Александрійскихъ іудеевъ; такое объясненіе носитъ слишкомъ внѣшній характеръ. Корней его нужно искать гораздо глубже; благоприятная для него почва должна находиться, прежде всего: а) въ самомъ характерѣ духовнаго развитія позднѣйшаго іудейства, б) въ характерѣ той культуры, которую воспринимали евреи.

Однимъ изъ наиболее важныхъ событій въ исторіи Іудеевъ справедливо признается плѣнъ Вавилонскій. Вліяніе его на послѣдующее духовное развитіе іудейства огромно. Грозная эпоха плѣна убила многое изъ того, что ранѣе было прочно и жизненно и, наоборотъ, слабымъ и еле замѣтнымъ росткамъ дала возможность распуснуться въ пышное и вѣтвистое дерево.—Для насъ въ данномъ случаѣ важно, конечно, отмѣтить лишь ту черту въ характерѣ религиозныхъ воззрѣній послѣплѣннаго іудейства, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемому вопросу. Пребываніе въ плѣну было наиболее сильнымъ толчкомъ къ развитію номизма. Въ періодъ долгихъ страданій плѣна народъ іудейскій, если и не весь, то лучшая часть его, созналъ причину своего несчастія, созналъ также и то, что отъ возможнаго повторенія его народъ можетъ спасти лишь удаленіе причины бѣдствій—разнообразнаго нарушенія заповѣдей Іеговы. Отсюда, законъ, какъ непосредственное откровеніе воли Іеговы, долженъ былъ сдѣлаться основою всего общественнаго и частнаго строя жизни іудеевъ; ему одному должно повиноваться и по его указаніямъ устроить свою жизнь. Однако, это господство закона далеко не было исполненіемъ пророчества Іереміи о томъ, что настанетъ время, когда Божественныя заповѣди будутъ напечатлѣны въ сердцѣ человѣка (Іер. 31

31—34); напротивъ, теперь съ особенной силой начинаетъ развиваться тотъ историческій процессъ, который—въ концѣ концовъ—поставилъ законъ совершенно внѣ этого сердца, какъ чуждый ему и совершенно внѣшній императивъ. Плѣтъ осязательнѣйшимъ образомъ доказывалъ сознанію іудеевъ, что внѣшнее благополучіе ихъ возможно лишь на почвѣ строго законныхъ отношеній къ своему Іеговѣ, что за исполненіе закона Іегова награждаетъ, а за нарушеніе караетъ. Слѣдовательно, іудею въ собственныхъ же его интересахъ оставалось соблюдать предписанія закона и исполнять ихъ со всею точностью. Онъ это и дѣлалъ. Но почему? Именно потому, что это было въ его интересахъ, потому что онъ зналъ, разъ законъ нарушенъ — его ожидаетъ кара; а разъ исполненъ—все равно даже какъ бы ни былъ исполненъ—іудей считалъ себя въ правѣ ждать награды. Законъ—это договоръ Іеговы со своимъ народомъ; въ немъ, какъ договорѣ, каждая сторона предъявляетъ свои требованія и, въ то же время, принимаетъ на себя извѣстныя обязательства. Впослѣдствіе талмудисты говорили даже: Богъ потому и далъ своему народу столько заповѣдей, чтобы давать ему возможно больше наградъ. Такимъ образомъ, внутренняя, нравственная основа извѣстнаго поступка приравнивалась къ чисто внѣшней законосообразности его и Божественный законъ съ высоты внутренняго жизненнаго начала низводился на степень внѣшняго, юридическаго кодекса¹⁾. Наиболѣе существенное въ нравственной жизнедѣятельности переносилось изъ центра на периферію. Законъ весь разбился на отдѣльные акты, на частичныя дѣянія, на дробныя поступки, которые даже сами по себѣ имѣли извѣстное значеніе и цѣнность—независимо отъ сопровождающаго ихъ настроенія. Такимъ путемъ вся жизнь іудея оказалась опутанной цѣлою сѣтью казуистическихъ

¹⁾ Ср. Евгеній Благовраховъ, Плѣтъ Вавилонскій и его значеніе въ исторіи іудеевъ. Москва. 1902 г., стр. 222—223.

правиль и законовъ, регулировавшихъ чуть ли не каждый его шагъ и каждое движеніе.

Понятно, это сосредоточеніе всего вниманія на внѣшнемъ, на томъ, что поддается юридическому учету, отодвигало на задній планъ область религіозной вѣры и мысли. Последняя оказалась въ тѣни и потому избѣжала тѣхъ стѣснительныхъ и мертвящихъ правилъ, которыя связывали іудея въ его поведеніи. Впослѣдствіе нѣкоторые іудейскіе писатели (Моисей Мандельсонъ и его школа) высказывали даже такую мысль, что іудейство и не знаетъ догматовъ въ христіанскомъ смыслѣ этого слова; что ни одно изъ предписаній Моисеева закона не гласитъ: ты долженъ *вѣрить*, или не долженъ; законъ говорить лишь: ты долженъ *дѣлать*, или не долженъ. Іудейство знаетъ, будто бы, не *религію откровенія*, а божественное законодательство. Истинны же религіозныя—догматы—Богъ открываетъ не чрезъ слово и писаніе, а во всякое время, чрезъ природу и міръ. Конечно, такое утвержденіе представляетъ уже крайность; тѣмъ не менѣе, несомнѣннымъ должно признать, что, сосредоточивъ преимущественное свое вниманіе на области внѣшнихъ дѣйствій и поступковъ, до мелочей урегулировавъ ихъ, іудейство предоставило своимъ послѣдователямъ значительную свободу въ области теоретическихъ воззрѣній. Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить, во-первыхъ, фактъ крайняго разнообразія религіозныхъ воззрѣній позднѣйшихъ іудеевъ, а также то обстоятельство, что исторія іудейства знаетъ не сектантовъ и еретиковъ, а преимущественно раскольниковъ. Очевидно, интересы іудейства ближе и сильнѣе всего затрагивались не тѣми или иными теоретическими воззрѣніями и представленіями, а областью внѣшняго поведенія человѣка. Іудейство—вообще говоря—стремилось не столько къ единомыслию, сколько къ единодѣйствію. Вотъ эта-то относительная свобода въ области теоретическихъ построеній и была той

почвой, которая благопріятствовала проникновенію въ среду позднѣйшаго іудейства различныхъ иноземныхъ вліяній. Такимъ образомъ, эллинизмъ Александрійскихъ іудеевъ не стоитъ въ такомъ ужъ непримиримомъ противорѣчій съ духовнымъ развитіемъ іудейства, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Основы его даны въ особенностяхъ духовнаго развитія самихъ же іудеевъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что, высказывая смѣлыя и нерѣдко чуждыя Библейскому ученію воззрѣнія на основные предметы вѣры, іудейскіе эллинисты строго держались предписаній закона, регулирующихъ поведеніе человека. Филонъ, напр., предлагая аллегорическое толкованіе законовъ Моисея, въ то же время требуетъ буквального исполненія всѣхъ его предписаній и негодуетъ на тѣхъ, которые пренебрегаютъ буквой закона. Такимъ образомъ, почву, на которой только и могъ пустить свои корни іудейскій эллинизмъ Александріи, нужно искать прежде всего въ особенностяхъ духовнаго развитія самихъ же іудеевъ.

Другимъ, не менѣе благопріятнымъ условіемъ для этого былъ самый характеръ культуры, воспринимаемой Евреями, а также особенности ея распространенія. Впрочемъ, на первой половинѣ вопроса я долго останавливаться не буду, такъ какъ здѣсь достаточно лишь подчеркнуть ту сторону предмета, которая обыкновенно забывается. Съ греческими вліяніями на іудейской почвѣ мы встрѣчаемся очень рано. Еще Аристотель, въ бытность свою въ Малой Азіи, встрѣтилъ здѣсь одного образованнаго іудея, который, какъ онъ говоритъ, былъ „эллиномъ не только по языку, но и по душѣ“. Однако, подобные факты были, конечно, явленіемъ рѣдкимъ и случайнымъ. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ вліаніе на Израиля греческихъ идей наблюдается лишь съ эпохи Александра Македонскаго; къ этому времени и приурочиваютъ обыкновенно происхожденіе іудейскаго

эллинизма. Дѣйствительно, переходъ евреевъ изъ-подъ власти Персовъ подъ греческое владычество имѣлъ для нихъ огромное значеніе, такъ какъ Александръ Македонскій внесъ въ міровую исторію новыя идеи и указаль ей новые пути. Міровыя державы, существовавшія до Александра — Вавилонъ, Египетъ, Персія—представляли простой конгломератъ народностей, соединенныхъ чисто вѣшнымъ образомъ, вооруженною силою. Духовная жизнь народа, его культура и съ измѣненіемъ политическаго положенія оставалась — въ существѣ дѣла—тою же, что и ранѣе. Но совершенно иной характеръ носила всемірная монархія, основанная Александромъ. вмѣстѣ съ Александромъ впервые возникла и интернаціональная культура, такъ какъ теперь только пали стѣны, отдѣлявшія сѣдой Востокъ отъ молодого Запада. Политическаго соединенія народовъ своей имперіи Александръ и его преемники хотѣли достигнуть путемъ единенія культурнаго, восточное міросозерцаніе они хотѣли слить съ греческимъ и сдѣлать всеобщимъ достояніемъ культурныя итоги духовнаго развитія каждой отдѣльной націи. Дѣйствию этого-то историческаго процесса и подпали іудеи. Они, такимъ образомъ, воспринимали не греческую культуру въ ея чистомъ и безпримѣсномъ видѣ, а культуру *эллинистическую*, т. е. такую культуру, которая въ значительной степени была насыщена элементами восточнаго происхожденія. А это обстоятельство было очень благопріятно для проникновенія въ среду іудеевъ и чисто греческихъ идей, такъ какъ послѣднія предлагались здѣсь въ формахъ восточныхъ воззрѣній, съ которыми іудеи не только были знакомы уже ранѣе, но которые и вообще говоря, по самому характеру своему, стояли ближе къ духовному складу іудеевъ, чѣмъ продукты генія арійскихъ народовъ.

На ряду съ этимъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, при помощи какихъ мѣръ распространялась эллинисти-

ческая культура среди іудеевъ и каково вообще было отноше-
ніе къ евреямъ ихъ новыхъ владыкъ.—Переходъ евреевъ
изъ подъ власти персовъ подъ власть грековъ сопровождал-
ся для нихъ — въ общемъ — благопріятными слѣдствіями.
Александръ не навязывалъ покореннымъ имъ народностямъ
греческой цивилизаціи силою; онъ старался совмѣщать ее
съ восточною; поэтому онъ всегда оказывалъ терпимость
къ тѣмъ или инымъ мѣстнымъ, національнымъ законамъ
и обычаямъ. Подобно Александру поступало и большинство
его преемниковъ,—Птолемеи и Селевкиды, подъ властью
которыхъ послѣдовательно находились іудеи. Они также не
только сохранили за іудеями ихъ прежнія права, но и
предоставили имъ много новыхъ льготъ и привилегій. По-
добная благосклонность въ отношеніи къ іудеямъ прави-
тельства несомнѣнно способствовала болѣе быстрому и ши-
рокому распространенію среди нихъ греческой культуры.
Если вообще трудно силою приобщить народъ къ извѣстной
культурѣ, то особенно трудно это сдѣлать въ отношеніи къ
іудеямъ. Иноземныя вліянія—явленіе далеко не рѣдкое въ
исторіи іудеевъ. Но если мы окинемъ бѣглымъ взоромъ
всю вообще древнѣйшую исторію евреевъ, то встрѣтимся
съ однимъ, въ высшей степени знаменательнымъ фактомъ.
Мы увидимъ, что иноземная культура тогда только могла
оказывать свое дѣйствіе на евреевъ и быстро распростра-
няться среди нихъ, когда народъ, являвшійся носителемъ
извѣстной культуры, относился къ іудеямъ миролюбиво и
дружественно—конечно, въ лицѣ своихъ правителей. Наобо-
ротъ, какъ только іудеевъ начинали давить и преслѣдовать,
они тотчасъ же вражду къ своимъ притѣснителямъ перено-
сили и на ту культуру, представителями которой являлись
послѣдніе, и строго замыкались въ религіозно-національныхъ
устояхъ собственной жизни. Это явленіе мы можемъ наблю-
дать въ теченіе всего періода судей, въ царствованіе Соло-
мона, въ исторіи раздѣленнаго еврейскаго государства, въ

эпоху пребыванія евреевъ въ плѣну Вавилонскомъ; но особенно ясно оно сказывается въ томъ періодѣ исторіи Израиля, о которомъ я теперь говорю. Въ подтвержденіе высказанной мною мысли я приведу всего лишь 2—3 примѣра.

Эллинистическія вліянія, особенно сильный толчекъ къ которымъ данъ былъ дѣятельностью Александра Македонскаго, при его преемникахъ усиливаются чуть ли не съ каждымъ годомъ. Греческій языкъ, греческіе нравы и обычаи, даже элементы греческихъ религіозныхъ воззрѣній широкой струей вливаются теперь въ среду іудейства. Въ концѣ концовъ дѣло доходитъ до того, что въ самомъ Іерусалимѣ, неподалеку отъ храма строятся гимнасій и эфебіонъ и Еврейскіе священники бросаютъ нерѣдко совершеніе богослуженія, чтобы принять участіе въ веселыхъ греческихъ играхъ. И если бы Селевкиды предоставили процессъ эллинизации Евреевъ его естественному теченію, кто знаетъ, можетъ быть и въ Палестинѣ развился бы тотъ синкретизмъ, который характеризуетъ духовную жизнь Александрійскихъ іудеевъ. Но историческія обстоятельства сложились неблагоприятно для этого. Селевкиды поставлены были въ необходимость ускорить процессъ ассимиляции и объединенія евреевъ съ другими народами ихъ монархіи; они прибѣгнули къ вооруженной силѣ. Этимъ сразу же положена была преграда дальнѣйшему проникновенію въ среду іудейства греческихъ вліяній. Народъ, легкомысленно увлекавшійся ранѣе эллинизмомъ, пришелъ въ себя, понялъ всю преступность и гибельность своего поведенія. Вспыхнуло возстаніе, направленное — по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ — къ достиженію именно религіозной свободы. Оно значительно измѣнило направленіе духовной жизни Іудейства и надолго задержало проникновеніе въ его среду греческихъ вліяній.

Другой, пожалуй еще болѣе убѣдительный примѣръ — таковъ. Въ современной наукѣ широко распространеннымъ

является мнѣніе, что отношеніе Палестинскихъ іудеевъ къ греческому языку и греческой культурѣ было безусловно отрицательнымъ. Отчасти такое мнѣніе справедливо и въ подтвержденіе его дѣйствительно можно привести цѣлый рядъ свидѣтельствъ изъ раввинской письменности. Однако, если мы рассмотримъ этотъ вопросъ въ его историческомъ развитіи и обстановкѣ, то придемъ къ нѣскольکو инымъ заключеніямъ: мы увидимъ, какъ послѣдовательно мѣнялось отношеніе Евреевъ къ греческой культурѣ, въ зависимости отъ того, какъ относились къ нимъ представители этой культуры — Птолемеи, Селевкиды и, наконецъ, Римляне. — Въ сужденіяхъ древнѣйшихъ раввинскихъ авторитетовъ мы встрѣчаемъ мягкое и благожелательное отношеніе къ язычеству. И среди язычниковъ, говорится напр., въ мишническомъ трактатѣ *Sophedrin*, есть праведники, которые наследуютъ вѣчное блаженство. Вслѣдствіе этого іудеямъ разрѣшается заниматься изученіемъ греческаго языка и греческой мудрости. Греческій языкъ признается особенно пригоднымъ для воспроизведенія библейскихъ истинъ, такъ какъ онъ наиболѣе вѣрно отражаетъ особенности подлинника. Утверждается далѣе, что Божественное Откровеніе даровано было, между прочимъ, и на языкѣ греческомъ; признается богодухновенность перевода LXX; неоднократно свидѣтельствуется о его важномъ значеніи для возвѣщенія міру началъ юдаизма, причемъ для подтвержденія послѣдней мысли подыскиваются и соответствующія библейскія мѣста. Напр., пророчество Ноя о вселеніи Іафета въ шатрахъ Симовыхъ (Быт. 9, 27) толкуется въ томъ смыслѣ, что красота Іафета — греческій языкъ — должна водвориться въ селеніяхъ Симовыхъ, чтобы Іафеть принялъ религію Сима. — Таково — въ общихъ чертахъ — отношеніе древнѣйшихъ раввиновъ къ греческому языку и культурѣ. Но замѣчательно, какъ рѣзко мѣняется это отношеніе послѣ войны съ Римлянами, а также возстаній евре-

евъ при Траянѣ и Адрианѣ. Въ это время день перевода библіи на греческій языкъ разсматривается уже какъ величайшее бѣдствіе Израиля, сравнивается съ днемъ служенія золотому тельцу у Синая; сообщается, что окончаніе перевода сопровождалось трехдневной тьмой, такъ что для очищенія грѣха народа потребовалось даже установленіе ежегоднаго поста,—падающаго приблизительно на нашъ декабрь мѣсяць. И такое отрицательное отношеніе мы встрѣчаемъ уже не только къ греческому переводу библіи, но и къ самому греческому языку и ко всей вообще греческой культурѣ. Напр., р. Измаиль на обращенный къ нему вопросъ, когда можно учить сына греческимъ наукамъ, ссылается на извѣстное опредѣленіе изъ книги І. Навина: „да не отступитъ книга закона сего отъ устъ твоихъ и да учаешься въ ней день и ночь“ (І. Нав. 1 8); и затѣмъ прибавляетъ: поди же и размысли, какой часъ не принадлежитъ ни дню ни ночи. Еще строже сужденія другихъ раввинскихъ авторитетовъ: они прямо говорятъ: проклять чловѣкъ, который разводитъ свиней; проклять отецъ, который обучаетъ своего сына греческой мудрости.—Такая перемѣна въ отношеніи іудеевъ къ греческому образованію несомнѣнно была вызвана тѣми бѣдствіями и преслѣдованіями, которымъ подверглись евреи со стороны Римлянъ въ I и II в.в. христіанской эры. Подобное же явленіе можно замѣтить при историческомъ разсмотрѣніи вопроса объ отношеніи іудеевъ къ театру, цирку и т. д.

Такимъ образомъ, только мирное и постепенное водвореніе среди евреевъ извѣстной культуры, чуждое какихъ бы то ни было насильственныхъ дѣйствій, обезпечивало проникновеніе этой культуры въ среду еврейства и постепенную ассимиляцію его. Напротивъ, всякія насильственныя мѣры въ этомъ отношеніи не достигали своей цѣли; они лишь усиливали вражду евреевъ къ культурѣ преслѣдователей, заставляли ихъ сторониться ея и глубже

уходить въ себя. Между тѣмъ греческая культура—на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ—распространилась среди евреевъ именно мирными средствами. Понятно, что это обстоятельство было очень благопріятно для болѣе успѣшнаго дѣйствія ея на евреевъ.

Итакъ, почву на которой выросъ и къ которой только и могъ привиться іудейскій эллинизмъ вообще, нужно искать, съ одной стороны, въ особенностяхъ духовнаго развитія позднѣйшихъ іудеевъ; 2) въ характерѣ культуры, воспринимаемой евреями; 3) въ особенностяхъ ея распространенія. Только при наличности этихъ трехъ, указанныхъ мною, основныхъ условій и возможнымъ становилось дѣйствіе тѣхъ частныхъ причинъ, которыя имѣли мѣсто спеціально въ Александріи и указаніемъ на которыя обыкновенно ограничиваются исследователи.

Каковы же были эти особыя условія жизни Александрійскихъ іудеевъ, особенно благопріятныя для усвоенія ими плодовъ греческаго генія?—Вообще говоря они заключались въ самомъ фактѣ поселенія евреевъ вдали отъ родины, въ массѣ окружавшаго ихъ иновѣрнаго и иноплеменинаго населенія. Небольшая еврейская колонія оказалась затерянной среди язычниковъ и естественно должна была подпасть вліянію язычниковъ. Однако, въ этомъ общемъ указаніи слѣдуетъ различать нѣсколько частныхъ сторонъ. Переселившись въ Александрію, евреи оказались оторванными не только отъ родной земли, но и отъ храма Іерусалимскаго съ его торжественнымъ богослуженіемъ, левитскими жертвоприношеніями и т. д. Поэтому, при всемъ своемъ благоговѣніи къ законодательству Моисея, при всемъ стремленіи точно исполнять всѣ его требованія, они лишены были возможности дѣлать это. Іудеи по необходимости должны были ограничиться исполненіемъ лишь нѣкоторыхъ предписаній закона. Но понятно, оставаться долго въ такомъ ненормальномъ положеніи они не могли. Тяжело вѣдь жить

человѣку, котораго постоянно гнететъ мысль, что вся его жизнь и дѣятельность есть сплошное и непрерывное нарушение закона. Поэтому, естественно, что, поставленные по началу въ необходимость пренебрегать нѣкоторыми требованіями закона, Евреи возымѣли скоро желаніе и оправдать эту необходимость, оправдать не физическою невозможностью исполнять весь законъ, а принципиальными и идейными соображеніями. Въ силу этого они вообще начали отличать въ законѣ существенное отъ несущественнаго, безусловно обязательное и вѣчное отъ условнаго и временнаго. И возможность появленія у Александрійскихъ іудеевъ такого стремленія тѣмъ естественнѣе, что они не были силою оторваны отъ родной земли. Іудейская колонія въ Александрію образовалась изъ лицъ, главнымъ образомъ, добровольно переселившихся сюда, у которыхъ, слѣдовательно, чувство связи съ родиной, религіозно-національное чувство вообще не было особенно глубоко и сильно.—Конечно, отъ этого различенія между требованіями закона до духовнаго пониманія его, до полнаго пренебреженія буквой его было еще очень далеко; это лишь первые робкіе и неувѣренныя шаги къ нему. Но извѣстно вѣдь, что труднѣе всего сдѣлать именно первый шагъ. Его-то и сдѣлали скоро Александрійскіе іудеи.

Кромѣ оторванности отъ родины важное значеніе въ дѣлѣ ассимиляціи евреевъ имѣла и самая жизнь ихъ среди языческаго міра. Избѣжать общенія съ язычниками Александрійскіе іудеи никоимъ образомъ не могли, такъ какъ къ этому побуждали ихъ уже заботы о своемъ матеріальномъ благополучіи. Общеніе это оказалось особенно близкимъ и тѣснымъ, такъ какъ къ этому времени въ экономическомъ бытѣ евреевъ произошелъ крупный переломъ: изъ націи земледѣльческой по преимуществу евреи стали націей ремесленной и торговой. А несомнѣнно, что ремесленникъ и торговецъ уже по самому характеру профессіи сво-

ей вынуждаются къ болѣе частымъ и близкимъ сношеніямъ со своими потребителями и покупателями, чѣмъ земледѣлецъ. Коммерсантъ по самой природѣ своей космополитъ, онъ чуждъ всякаго національнаго обособленія и партикуляризма; его братья—товарищи по торговлѣ; его соотечественники—производители и потребители торговаго матеріала; родной языкъ его—языкъ того рынка, гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ. Вслѣдствіе этого и произошло то, что Александрійскіе евреи, перейдя отъ земледѣлія къ ремесламъ и торговлѣ, оставили скоро свой родной языкъ и обратились къ господствовавшему въ то время языку греческому. Но понятно, перемѣнить языкъ—далеко не то же, что перемѣнить платье. вмѣстѣ съ языкомъ въ сознаніе народа входитъ сумма извѣстныхъ понятій, а также даются основы для всего хода мышленія. Поэтому, по мѣрѣ того, какъ народъ забываетъ родное слово свое, онъ утрачиваетъ и живое сознаніе своей національности, и возможность дальнѣйшаго развитія своего въ національномъ духѣ; усвоивъ себѣ языкъ другого народа, онъ входитъ вмѣстѣ съ этимъ въ кругъ мыслей и духъ этого народа¹⁾. Можно судить поэтому, какая важная перемѣна должна была произойти въ духовной жизни евреевъ съ замѣною ими родного языка греческимъ. А между тѣмъ эта перемѣна произошла очень рано; уже во III в. до Р. Хр. свой языкъ Евреи забыли до того основательно, что даже для чтенія Св. Писанія должны были прибѣгнуть къ греческому переводу. Этотъ переходъ отъ родного языка къ греческому еще болѣе сближалъ Евреевъ съ язычниками. Такимъ образомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ евреи все больше и глубже затыгивались греческой культурой.

¹⁾ Ср. Проф. Д. Поспѣховъ, Книга премудрости Соломона, ея происхожденіе и отношеніе къ іудейско-александрійской философіи. Кіевъ. 1873, стр. 256, 259, 260.

Наконецъ, немаловажное значеніе въ данномъ случаѣ имѣло еще и то обстоятельство, что скоро же по своемъ поселеніи въ Александріи іудеи поставлены были въ необходимость выступить на поприще литературной дѣятельности.—Птоломеи предоставили Александрійскимъ евреямъ много льготъ и привилегій по сравненію съ мѣстнымъ, египетскимъ населеніемъ. Это, а также нѣкоторыя другія обстоятельства естественно вызывали у туземцевъ непріязнь и вражду къ Евреямъ. Вражда не замедлила проявиться и открыто, въ цѣломъ рядѣ полемическихъ сочиненій, гдѣ подвергалась осмѣянію исторія Евреевъ, ихъ религія, обычаи, а на самихъ Евреевъ возводились нерѣдко очень тяжкія обвиненія. Оставить подобные упреки безъ отвѣта было, конечно, нельзя; слѣдовало отвѣчать на нихъ. И вотъ для отвѣта—конечно на греческомъ языкѣ—евреи воспользовались очень своеобразнымъ приемомъ, широко, впрочемъ, практиковавшимся въ то время. Такъ какъ словамъ еврея о евреяхъ же язычники могли не повѣрить, то іудейскіе апологеты для распространенія своихъ воззрѣній прибѣгнули къ фальсификаціи, къ подлогу. Хвалебные отзывы о еврейскомъ народѣ, о его религіи и исторіи они пишутъ и издаютъ не отъ своего лица, а отъ имени авторитетныхъ и уважаемыхъ язычниками языческихъ писателей. Панегирики еврейскому народу они влагаютъ въ уста Гераклита, Софокла, Фокиида, Сивилль мѣщического пѣвца Орфея и т. д. Но понятно, для того, чтобы подлогъ не былъ замѣченъ и обличенъ, авторамъ подобныхъ фальсификацій необходимо было имѣть не только хорошее знакомство съ греческой литературой, но и чутье ко вкусамъ читающей публики. Такимъ образомъ евреи постепенно, шагъ за шагомъ и незамѣтно для самихъ себя втягивались въ кругъ греческихъ понятій и представленій.

Прослѣдить этотъ процессъ приобщенія евреевъ къ греческой культурѣ послѣдовательно, въ его историческомъ

развитіи не представляется возможнымъ, такъ какъ—съ одной стороны—многихъ звеньевъ для такой исторіи у насъ нѣтъ: отъ іудео-александрійской письменности до насъ шли лишь жалкіе отрывки; съ другой стороны—нельзя съ точностью установить и хронологію существующихъ памятниковъ. Тѣмъ не менѣе, несомнѣннымъ должно признать, что іудео-александрійская письменность была очень обширна, включая произведенія самаго разнообразнаго характера. На это указываетъ уже та высокая степень развитія, которой достигъ іудейскій эллинизмъ Александріи въ лицѣ Филона. Филонъ—послѣдній, самый яркій и самый видный представитель этого направленія. Руководясь этимъ послѣднимъ соображеніемъ и избравъ предметомъ для спеціальнаго изученія жизнь и литературную дѣятельность Филона.

О цѣляхъ, какія я преслѣдовалъ, изучая литературное наслѣдство Филона, распространяться не буду, такъ какъ объ этомъ говорится въ предисловіи къ моему сочиненію. А насколько достигнуты мною эти цѣли—судить, конечно, не мнѣ. Замѣчу лишь, что теперь, когда я уже отошелъ отъ своей работы и смотрю на нее до известной степени со стороны, недостатки ея видны и мнѣ. Въ объясненіе ихъ позволю указать 1) на самый характеръ предмета, избраннаго мной для спеціальнаго изученія, 2) на нѣкоторыя особенности въ постановкѣ работы.—Литературная дѣятельность Филона очень разнообразна и потому изучающій ее долженъ имѣть познанія въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ: исторіи, философіи, богословіи и цѣломъ рядѣ библейскихъ дисциплинъ. Быть спеціалистомъ во всѣхъ этихъ областяхъ я, конечно, не могъ. Часто мнѣ приходилось довольствоваться знаніями, прибрѣтенными т.к. ск. ad hoc. Въ особенности это должно сказать относительно исторіи древней философіи. Здѣсь я больше всего чувствовалъ себя случайнымъ гостемъ; поэтому, хотя и старался быть осторожнымъ,

но неловкостей, думаю, надѣлалъ не мало.—Затѣмъ, обзорѣвая литературную дѣятельность Филона, я разсматриваю каждое его сочиненіе и если не всегда рѣшаю, то, по крайней мѣрѣ, намѣчаю тѣ вопросы, которые вызываетъ оно. Это обстоятельство заставило меня разбиться на частности, на мелочи, на отдѣльныя и самыя разнообразныя дробныя вопросы. Выдержать въ разсмотрѣніи ихъ равномерность, избѣжать противорѣчій самому себѣ—было трудно; недостатки этого рода есть, конечно, въ моей работѣ. За всѣ указанія на подобныя погрѣшности я буду лишь искренно благодаренъ.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить благодарность проф. В. П. Рыбинскому, который предложилъ мнѣ тему для настоящаго сочиненія и неоднократно помогалъ своими совѣтами во время самой работы.

В. Иваницкій.